

Тёмный омут разведки

Среди бойцов невидимого фронта было много очень интересных личностей, занимавших важные должности, участвовавших в доселе секретных операциях. О большинстве этих людей до сих пор практически ничего неизвестно. Ниже предлагаются три очерка о советских разведчиках, только-только намечающих канву их запутанных биографий.

Резидент, который спятил

Это очень тёмная история шестидесятилетней давности. И личность, которая в ней участвовала, тоже тёмная. Немногочисленные документы о предательстве сотрудника советской резидентуры НКГБ в США Миронова, опубликованные и обнаруженные в архивах, содержат больше вопросов, чем ответов.

Итак, что нам известно о главном герое этой совершенно детективной истории? Пока сведения о Миронове далеки от полноты. Родился Василий Дмитриевич Миронов (настоящая его фамилия — Марков) в 1907 г., русский, имел высшее образование, в компартии состоял с 1928 г. С 1941-го по 1944 г. работал вторым секретарем посольства СССР в США, а в НКГБ, по месту основной службы, являлся старшим уполномоченным. Согласно справке 1-го Управления (внешней разведки) НКГБ СССР, используя служебное положение, «сфабриковал ложное провокационное дело по обвинению двух работников органов НКГБ СССР, работавших в США, в измене родине». Кроме того, занимался разглашением известных ему государственных тайн среди лиц, не внушавших доверия. В 1944-м был отозван в Советский Союз и осуждён 5 августа 1944 г. Особым совещанием при НКВД СССР на пять лет лагерей. Вину, как сообщили Комиссии партийного контроля работники госбезопасности, признал. Исходя из этих данных, КПК при ЦК ВКП(б) 28 сентября 1944 г. исключила Миронова из партии как осуждённого [397] .

Василий Дмитриевич работал в Иностранном отделе ГУГБ НКВД ещё до войны. Пока известно только об одной операции с его участием, но зато какой! Осенью 1939 г. его командировали в Старобельский лагерь польских военнопленных вести специальную работу среди обречённых на скорый расстрел поляков. В лагере содержалось 3.895 человек. Миронов выполнял там такие же специфические функции, что и майор госбезопасности В. М. Зарубин в Козельском лагере (куда тот был отправлен 31 октября 1939 г. с чрезвычайными полномочиями во главе спецгруппы), выявляя лиц, полезных для советской разведки, и отвечая за вербовку соответствующей агентуры.

По спискам, которые подготовили Миронов с Зарубиным, несколько десятков поляков были отделены от остальной массы военнопленных и переправлены в Юхновский, а затем Грязовецкий лагеря, где сосредотачивались лица, необходимые для Иностранного и Контрразведывательного отделов НКВД, а также те, кто разыскивался германским посольством. Ещё 91 военнопленному сохранили жизнь по указанию самого заместителя Берии Всеволода Меркулова:

это были те, кто представлял интерес в качестве источника информации, заявлял о своих коммунистических убеждениях, оказывал услуги администрации лагеря. В разряд «прочих» зачислили 167 человек — тех, кто не были офицерами, а также несколько десятков осведомителей, которые поставляли особым отделениям лагерей компромат на солагерников. Всего уцелело 395 военнопленных — три процента от общего количества.

Отдельно Миронов и Зарубин отобрали 47 человек, которые представляли для разведки интерес как источники ценной информации, могли быть использованы для оперативной работы за рубежом или выражали желание в случае начала войны с Германией сражаться на стороне СССР. В. С. Меркулов поручил нашим героям составить справки и характеристики на отобранных «доверенных лиц», а также следить, чтобы агентов случайно не отправили на расстрел вместе с основной массой обречённых.

А когда пришло время решать польский вопрос по-сталински радикально, Василий Миронов по мере сил участвовал в расстрелах польских военнопленных, которых столь пристально изучал и тем самым по возможности спасал от пули. Чистые руки разведчикам сохранить не удалось. Волевым решением работников внешней разведки обязали принять участие в казнях — Берия, сомневавшийся в лояльности оперативников ИНО, распорядился окрестить их кровью.

Распоряжение Политбюро ЦК от 5 марта 1940 г. о массовом уничтожении военнопленных было выполнено за несколько недель в течение мая-июня. Специальная тройка в составе В. Н. Меркулова, начальника экономического управления Б. З. Кобулова (также особо доверенного бериевца) и начальника учётно-архивного отдела НКВД СССР Л. Ф. Баштакова оформила осуждение всех поляков за «антисоветскую деятельность» к высшей мере наказания. Всего в Катынском лесу под Смоленском было расстреляно 4.421 чел., в Старобельском лагере близ Харькова — 3.820 чел. и Осташковском лагере в Калининской области — 6.311 чел. Ещё 7.305 поляков казнили в порядке «разгрузки тюрем» западных областей Украины и Белоруссии.

Всего от рук НКВД погибло 21.857 польских граждан (преимущественно поляков, евреев и немцев). На расстрел отправили 11 генералов, одного контр-адмирала, 77 полковников, 197 подполковников, 541 майора, 1.441 капитана, 6.061 поручика, подпоручика, ротмистра и хорунжего [398]. Большой процент их составляли представители интеллигенции, призванные в польскую армию из запаса. Такое массовое убийство означало гибель примерно каждого 250-го взрослого поляка. Символично, что одновременно с советскими казнями была проведена известная нацистская «Акция А — Б» по уничтожению польской интеллектуальной и государственной элиты.

Разведчики, превращённые в карателей, были затем возвращены к основной работе. В 1941 г. Миронова отправили в Соединённые Штаты, где он три года

проработал рука об руку с Зарубиным. Но отношения между ними явно не складывались.

Ночью 7 августа 1943 г. в Вашингтоне Василий Миронов бросил в почтовый ящик письмо, адресованное американской контрразведывательной службе — Федеральному бюро расследований. Послание попало по адресу и было прочитано со всем вниманием, хотя психическая сомнительность автора в нём так и сквозила. Корявый стиль, грубые грамматические ошибки («стратигический», «Голливуд», «Филадельфия») выдавали невысокую грамотность представителя элиты НКВД — политической разведки, который не то что на английском, на родном языке изъяснялся не вполне свободно. Интерес анонимка вызвала несомненный, поскольку в ней вполне определённо расшифровывались советские разведчики, действовавшие под дипломатическим прикрытием.

«Г-н ГУВЕР,

Необычайные обстоятельства побуждают нас сообщить Вам о деятельности т. наз. руководителя советской разведки в этой стране. Этот «советский» разведчик действительно занимает очень высокий пост в ГПУ (ныне НКВД), пользуется огромным доверием советского правительства, но фактически, как нам совершенно точно известно, сам он работает для Японии, а его жена для Германии. Таким образом он, прикрываясь именем СССР, является опасным врагом СССР и США. Огромный аппарат кадровых работников НКВД, находящийся в США под его начальством, не подозревает, что благодаря предательству своего руководителя, он также наносит страшный вред своей стране. В таком же ложном положении находится и вся их сеть агентов, среди которых много граждан США и, наконец, сам Браудер, имеющий непосредственный контакт с ним. Браудер передаёт ему очень важные сведения о США, думая, что всё это идёт в Москву, но, как вы видите, все это идёт японцам и немцам.

«Руководитель советской разведки» здесь — Зубилин Василий, 2 секретарь посольства СССР, настоящее его имя — Зарубин В., заместитель начальника управления разведки за границей НКВД. Лично занимается нелегальной переправкой агентов в США и из США, организует секретные радиостанции и изготавливает поддельные документы. Его ближайшие помощники:

Его жена, руководит политической разведкой здесь, имеет огромную сеть агентов почти во всех министерствах, в том числе Стэйт Департаменте. В НКВД посылает дезинформацию, а всё ценное передаёт немцам через некоего Бориса Мороз (Голливуд). Установите наблюдение за ней и вы вскроете всю её сеть очень быстро.

Кларин Павел — вице-консул в Н. Йорке. Имеет огромную сеть агентов среди русских эмигрантов, встречается с ними почти открыто, нелегально

переправляет агентов в США. Многие его агенты работают на очень высоких постах в различных американских организациях, все они русские.

3. Э. Хейфец — вице-консул в С. Франциско, занимается политической и военной разведкой по западному берегу США, имеет большую сеть агентов в портах и на военных заводах, собирает очень ценный стратегический материал, который направляется Зубилиным в Японию. Имеет радиостанцию в консульстве. Сам он очень большой трус, при аресте быстро выдаст всех агентов, чтобы спасти себя и остаться в этой стране.

4. Квасников, работает инженером в Амторге, является помощником Зубилина по технической разведке, через Семёнова — работающего тоже в Амторге — обворовывает всю военную промышленность Америки. Семёнов имеет своих агентов во всех промышленных городах США, ненавидит НКВД, но страшный трус и любит деньги. Всех своих агентов выдаст с удовольствием, если ему пообещать американский паспорт. Он уверен, что работает для СССР, но все его материалы идут через З(убилина) в Японию, если ему об этом рассказать, то он сам поможет вам найти остальных.

5. Шевеченко, уполномоченный Закупочной комиссии в Буффало. Занимается тем же, чем и Семёнов.

6. Лукьянов, уполном. закупочной комиссии в портах Н. Йорка и Филадельфии. Помощник Зубилина по военно-морской разведке. Имеет много агентов в этих портах. Его материалы очень ценные и опасные для США, т. к. все переправляются Зубилиным через жену немцам.

7. — 2 секретарь миссии СССР в Канаде, помощник З. по Канаде.

8. Тарасов — секретарь посольства СССР в Мексике, помощник З. по Мексике.

9. Долгов — атташе посольства СССР здесь, помощник З. по Вашингтону.

Совершенно особое положение занимает второй после Зубилина по НКВД 2 секретарь посольства СССР здесь — Миронов, его настоящая фамилия Марков (Зубилин — генерал НКВД, Миронов — полковник НКВД). Оба друг друга ненавидят по должностям. По линии НКВД руководили оккупацией Польши. Зубилин допрашивал и расстреливал поляков в Козельске, Миронов — в Старобельске. Все спасшиеся поляки знают этих палачей в лицо. 10000 расстрелянных поляков под Смоленском — дело рук их обоих. Если Миронову доказать, что З. работает на немцев и японцев, то он немедленно расстреляет его без суда, т. к. имеет тоже очень большой пост в НКВД. Имеет какого-то крупного агента в офисе Белого Дома» [399].

Вот такое поразительное письмо. Благодаря неким источникам советской разведки в ФБР оно через некоторое время стало известно нашим спецслужбам и повергло их руководство в немалый шок.

Упомянутые Мироновым коллеги действительно являлись основными работниками советской резидентуры в Вашингтоне. Но Миронов прежде всего сводил счёты со своим давним знакомым В. Зарубиным. Ненависть к Зарубину отчётливо видна из сумбурного и повторяющегося машинописного текста, напечатанного в явном волнении и потом довольно заметно выправленного чернилами. Откуда взялась эта ненависть? Была ли эта вульгарная зависть подчинённого к генералу-начальнику? Или трения начались еще со времён совместной расправы над польскими офицерами? Или это результат психического расстройства? Изучение следственного дела и соответствующих архивов поможет ответить на этот вопрос. Когда-нибудь.

Миронов Гуверу послал анонимку, но Сталину и Берии написал открытый донос на семью Зарубиных как германо-японских шпионов. Он бил с двух сторон: не заинтересуются американцы (а они, безусловно, заинтересуются!), так среагирует должным образом советская контрразведка, тщательно следившая за зарубежным персоналом.

В НКГБ началось тщательное расследование, которое через несколько томительных для Зарубина и его жены месяцев выявило несостоятельность мироновской клеветы относительно такого маловероятного семейного подряда: муж-де работает на одного врага, супруга — на второго. Чушь, которую нёс спятивший разведчик, была настолько очевидна, что контролёры пришли к единственно возможному выводу: товарища Миронова нужно лечить. Это и было сделано. Но пять лет «вкатить» ему тоже не забыли [400].

А немного погодя, должно быть, стало известно и о его «привете» господину Гуверу. Новое расследование для незадачливого резидента завершилось трагически: он попал под пулю. 3 августа 1945 г. Миронова расстреляли за измену, хотя месяцем ранее в СССР была объявлена грандиозная амнистия в честь победы над Германией. Тело капитана госбезопасности было погребено на тайном кладбище НКВД в подмосковной Коммунарке. Между прочим, есть вполне логичное предположение, отчего видный чекист повредился в уме: работа по уничтожению военнопленных поляков не могла пройти бесследно. Известно, что профессиональные палачи ленинско-сталинской эпохи часто заканчивали безумием.

Изменническое письмо, впрочем, катастрофических последствий для нашей разведсети не имело, хотя карьеру генерала Зарубина поломало. Война была в разгаре, и к шкодням красного союзника американцы относились с известной небрежностью. Недаром Миронов в своём послании Гуверу сделал упор на передачу добытых в США шпионских сведений не на Лубянку, а японцам и немцам. Ведущие сотрудники советской резидентуры С. Семёнов, Л. Квасников, Э. Хейфец благополучно завершили свою заокеанскую командировку.

А потом была холодная война и яростная схватка спецслужб обеих сверхдержав. К советским перебежчикам американцы стали относиться

внимательнее. И знаменитая измена два года спустя шифровальщика посольства в Канаде Игоря Гузенко имела для НКГБ куда более неприятные последствия, приведя к потере ряда ценнейших агентов в области атомного шпионажа.

Резидент, который стучал

Яков Григорьевич Горский - один из многих резидентов тридцатых годов, превращённых в лагерную пыль и пока не удостоившихся жизнеописания. А жизнь этого разведчика оказалась богатой на весьма противоречивые события.

Он родился в Одессе в 1898 г., происходил из семьи токаря и с двенадцати лет начал работать мальчиком-рассыльным в магазине. С 1912 г. он рабочий на одесских заводах Вальтуха и Кудермана, а в революционном 17-м вступил в Красную Гвардию. С 1918 г. служил в Перекопской дивизии, в следующем году стал командиром роты, а затем эскадрона. В 1920-м Горский вступил в члены компартии и был переведён в военную контрразведку, став уполномоченным особого отдела дивизии, а затем помощником начальника и начальником военного отдела Одесской губернской ЧК. С 1922 г. Горского перевели в Харьковскую губчека, но вскоре он оказался в милиции, где подвизался в качестве начальника угрозыска в Полтаве и Киеве, уполномоченным по борьбе с бандитизмом и управляющим таможней.

В конце 1923 г. Горского вернули в распоряжение госбезопасности и ненадолго послали работать в органы ОГПУ на транспорте. Он побывал начальником Киевского окружного транспортного отдела ГПУ, помощником начальника отделения и инспектором Дорожно-транспортного отдела ОГПУ. Уже в сентябре 1924 г. его назначают старшим уполномоченным Информационного отдела ГПУ Украины, но менее чем через год убирают из этого отдела, формировавшего своими сводками представление руководства о положении в стране, и снова переводят на транспорт: Горский работает начальником отделения Дорожно-транспортного отдела ОГПУ в Таганроге и Краснодаре, а с августа 1930 г. переводится на станцию Минеральные Воды.

В 1932 г. Горский перебирается в Москву на спокойную должность помощника начальника Отдела кадров полпредства ОГПУ по Московской области, но не задерживается там. Чекиста переводят в распоряжение Иностранного отдела ОГПУ и отправляют за границу. География его поездок широка — от Вены до Монголии. По возвращении начальство полагает, что несмотря на начальное образование, Горский вполне достоин стать начальником Курсов особого назначения, где проходят подготовку десятки будущих разведчиков. Это 38-й год, когда преподаватели и студенты то и дело исчезают без следа. Горский возвращён в аппарат и в звании капитана госбезопасности работает замначальника отделения Иностранного отдела НКВД СССР.

Его арестовали 16 октября 1938 года по показаниям крупного чекиста Б. Д. Бермана, схваченного незадолго перед тем. Из Бермана выбили сведения о том, что Яков Горский — участник антисоветской заговорщицкой организации в

НКВД, завербованный бывшим начальником Иностранного отдела А. А. Слуцким. Позднее Берман отказался от своих показаний, но у следователей, допрашивавших Горского, оказалось достаточно компрометирующего материала на бывшего разведчика.

Горский обвинялся в том, что, работая по линии НКВД в Монголии, установил близкие отношения с торгпредом А. И. Биркенгофом (расстрелянным в 1936 г.), покупал у него опиум и спекулировал им. Ещё Горский якобы менял доллары на черной бирже и представил фиктивные документы на израсходование «денег специального назначения». (Горский, кстати, не был единственным разведчиком, которому предъявлялись подобные претензии. Так, в следственном деле Берии упоминались причины тайной ликвидации полпреда в Китае и одновременно резидента ИНО НКВД И. Т. Луганца-Орельского, убитого 8 июля 1939 г. в Грузии по приказу Сталина. Полпред-разведчик якобы контролировал оборот наркотиков, и его, отозвав в СССР, устранили негласно для того чтобы не спугнуть сообщников [401]. Возможно, торговля опиумом была формой финансирования чекистских резидентур.)

Также Горский, находясь в 1936 г. по линии НКВД в Вене, «рассказывал знакомым о мероприятиях НКВД в отношении троцкистов». Стукачи из советских учреждений за границей отправили куда надо и более пикантные подробности заграничной жизни советского резидента. Согласно их наблюдениям, в австрийской столице Горский установил интимную связь с дочерью бывшего камер-юнкера царского двора Лихачевой, помог ей оформить документы на выезд в СССР и «устроиться на секретную работу», где несчастную вскоре арестовали и осудили как шпионку.

Горский вёл себя твёрдо и вину не признавал, из-за чего разведчика не стали проводить через Военную коллегия Верховного суда, «разобравшуюся» со множеством его коллег, а осудили с помощью безотказного Особого совещания при НКВД СССР: 26 июля 1939 г. за участие в антисоветской организации он получил довольно скромные по тем временам 8 лет лагерей. Пять лет заключения превратили Горского в скелет, едва держащийся на ногах. Но стройки социализма требовали трудоспособную рабочую силу, в связи с чем Горский в 1943-м был досрочно освобожден как тяжелобольной: его просто «активировали» как неспособного к труду инвалида, обречённого на скорую смерть. Но Горский выжил и выздоровел.

С 1945 по 1951 годы он работал в г. Люблино на заводе им. Кагановича заместителем начальника отдела снабжения. Когда его решили завербовать в осведомительную сеть, бывший чекист с большим стажем не стал сопротивляться и в течение нескольких лет работал негласным сотрудником органов госбезопасности Московской железной дороги. По своей ли инициативе или же под давлением куратора из МГБ, но Горский стал провокатором. В официальном документе об этом сказано так: «Выполняя задания МГБ, он дезинформировал органы государственной безопасности, сообщая заведомо ложные сведения на лиц, которые якобы высказывали антисоветские взгляды. В

результате донесений Горского гр-н Доннер был арестован, а затем освобожден».

Не так часто бывало, чтобы органы госбезопасности пресекали провокационную деятельность своих агентов. По личным ли счётам Горский оклеветал невинного, осталось неизвестным, но с рук это ему не сошло. Впрочем, наказание оказалось не из жестоких. За сообщение ложных сведений провокатор был арестован 19 декабря 1951 г. управлением охраны МГБ на Московско-Курской железной дороге. 3 марта 1952 г. Военный трибунал войск МГБ Московской области зачёл срок предварительного заключения и осудил Горского на три года лагерей условно.

В 1954 г. он, будучи пенсионером и инвалидом второй группы, жил в Москве, не работал и пытался восстановиться в КПСС. В апреле 1954 г. Комитет партконтроля при ЦК КПСС рассмотрел дело Якова Горского (который не отрицал, что за провокаторство сидел обоснованно) и, как осуждённому за ложный донос, отказал в восстановлении в партии [402] .

Чужие сапоги натёрли ноги

В израильской и прибалтийской русскоязычной прессе несколько лет назад появилась версия о том, что прототипом знаменитого Штирлица из сериала «Семнадцать мгновений весны» стал не кто-нибудь, а малоизвестный боец невидимого фронта И. И. Боровой.

Ссылаясь на воспоминания вроде бы отбывавшего с ним сибирскую ссылку бывшего москвича Вениамина Додина, журналисты сочинили лихую историю о военном разведчике Исае Исаевиче Боровом, которого Берия из зависти к соперничавшей спецслужбе в 1944 г. арестовал и загнал в лагерь. Якобы полковник ГРУ Боровой настолько глубоко законспирировался в Германии, что дослужился в вермахте до оберфюрера (первое генеральское звание) и по приказу из Москвы сдался американским войскам в Италии в 1944-м. Американцы переправили Борового без какой-либо волокиты в Советский Союз, где он сразу же попал в лагерь... А потом Юлиан Семёнов из Исаея Борового сделал своего Максима Исаева-Штирлица.

На самом деле в этой информации верны лишь фамилия разведчика, факт его весьма длительной работы в спецслужбах и нахождение в лагерях и красноярской ссылке. Ещё можно поверить, что Додину Исаак Боровой рассказал, что после его ареста жена сошла с ума, а дочь угодила вслед за отцом в лагерь. Что сам он был страшно искалечен во время следствия. Что имел феноменальную память. Что в разговорах с ним некоторых вопросов касаться было нельзя — разведчик тут же замыкался и уходил в себя. Что внешне Боровой производил впечатление немца откуда-нибудь из Пруссии, ибо был высок, светловолос и голубоглаз. Всё остальное — байки для дефективных детишек. И всё же кое-какие сведения о судьбе этого видного разведчика, не

имевшего отношения к ГРУ, отыскивались в некогда секретных архивах и могут послужить для первого наброска его жизнеописания.

Исаак Исаакович Боровой происходил из еврейской рабочей семьи и с шестнадцатилетнего возраста мог считаться пролетарием — он трудился разнорабочим на частном предприятии в Витебске. В феврале 1917-го, буквально за несколько дней до падения царизма, его мобилизовали в армию. В следующем году 20-летний юноша стал красноармейцем, тогда же записался в коммунисты. Боровой воевал на разных фронтах и последней армейской должностью для него стал пост начальника разведки 18-й кавдивизии в Тифлисе и Батуми.

А потом фронтового разведчика мобилизовали в ЧК. До июля 1921 г. он работал в Витебской губернской ЧК и насмотрелся там всякого. И не только насмотрелся. Нравы чекистов были тогда весьма просты и грубы. Когда один из коллег Борового был за что-то расстрелян, председатель губчека Иван Кадушин разрешил молодому оперативнику взять себе сапоги казнённого. Сапоги, надо думать, оказались хороши. По крайней мере, так показалось некоторым обносившимся чекистам, которым тоже было интересно получить обувь. Разве мог себе представить 23-летний Исаак Боровой, что сдёрнутые с трупа сапоги шесть лет спустя приведут к долгим объяснениям в высшем партийном синклите, а ещё через четверть века станут для него добавкой лишних месяцев унижительного положения политического ссыльного... Но об этом позже.

С 1921 по август 1924 г. Боровой работал в Закавказской ЧК в Тифлисе. Как нередко случалось с чекистами тех лет, он был на некоторое время уволен из «органов», но потом вновь вернулся к прежней работе. Уйдя из ОГПУ, Боровой в 1925–1928 гг. трудился в Москве на очень неплохой должности партследователя Центральной контрольной комиссии ВКП (б) и занимался расследованием грешков и откровенных преступлений своих товарищей по партии. Правда, и его самого пытались обвинить в «некоммунистическом поведении», но без особого успеха. Довольно логичным образом контролёра вернули в самую главную контролирующую организацию, но уже не для борьбы с врагом внутренним. В 1928 г. Борового взяли в ОГПУ и устроили в аппарат Иностранного отдела.

Для разведчика начались годы работы за рубежом, о конкретном содержании которых пока практически ничего не известно. Только из материалов позднейшего судебного дела можно понять, что Боровой недолго входил в курс дела и быстро оказался за границей. С 1929 по 1931 гг. он работал под «крышей» секретаря советского торгпредства в Турции.

Служба резидента советской политической разведки шла успешно. К 1938 году И. И. Боровой вырос до поста начальника отделения Иностранного отдела НКВД СССР, причём дело обернулось так, что на него даже в годы террора не нашлось никакого приличного компромата. Но избежать репрессий, выкосивших три четверти аппарата внешней разведки, ему не удалось.

Арестован 2 декабря 1938 г. Боровой был по ордеру № 2415, подписанному Берией. Обвинение стандартное: шпионаж. Что до санкции прокурора, то она была получена лишь в феврале следующего года.

Скорее всего, Боровой был арестован по личному желанию Берии. По крайней мере, нарком внутренних дел не погнушался принять личное участие в следствии по делу известного разведчика. На допросе 10 декабря 1938 г., который велся Берией, Меркуловым и Деканозовым, Боровой после жестоких побоев признал шпионскую деятельность и показал, что якобы был завербован своим начальником С. М. Шпигельглазом в пользу японской разведки.

Ещё Боровому пришлось признать то, что он в 1928–1932 гг. примыкал к правым и вместе с «совестью партии» А. А. Сольцем, секретарем последнего М. Хаевским и другими лицами помогал бухаринцам и троцкистам восстанавливаться в партии (отметим, что Сольц не был арестован). Впоследствии было зафиксировано, что виднейший разведчик Сергей Шпигельглаз в ответ на «признания» нашего героя «категорически отрицал факт вербовки Борового для шпионской деятельности в пользу японской разведки». Но Борового решили судить именно как шпиона.

В судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 10 марта 1939 г. (в этот день, кстати, осудили и казнили бывшего работника ИНО НКВД и беспощадного к врагам народа контрразведчика А. П. Невского) Боровой отказался от показаний, данных на следствии — и спас себе этим жизнь. Поскольку никаких других обвинительных материалов не было, его дело отправили на доследование.

Бериевцы бросились выбивать из упорного арестанта нужные показания и добились своего: пока Ульрих и компания продолжали расстреливать уцелевших от ежовщины наркомов, членов ЦК и чекистов (как отборных палачей, так и видных разведчиков), Боровой, не выдержав допросов, 28 марта и 4 апреля 1939 г. подтвердил свои первоначальные показания. Довольные следователи тут же отправили папку с его делом по прежнему адресу, и 27 апреля того же года Боровой снова предстал перед военным судом.

Он и на этот раз отказался от вымученных из него показаний, но избежать осуждения у Борового не получилось: Военная коллегия отмерила ему 20 лет лагерей с конфискацией имущества. Он настойчиво обжаловал приговор, и это упорство принесло кое-какие плоды. Пленум Верховного Суда СССР по протесту союзного прокурора год спустя, 4 апреля 1940 г., отменил приговор, поскольку в деле Борового были доказаны только его «троцкистские колебания» в 1927 г. относительно возможности построения социализма в одной стране, а также то, что разведчик «делился с сослуживцами и членами семьи о некоторых вопросах заграничной работы органов НКВД». Самое страшное обвинение — шпионаж — отпадало. По делу Борового началось третье по счёту следствие, продолжавшееся целый год. Но следователи по-прежнему не собирались упускать свою законную добычу.

В утвержденном заместителем наркома госбезопасности Б. З. Кобуловым обвинительном заключении от 16 апреля 1941 г. значилось, что Исаак Боровой — шпион, троцкист, в 1921 году в Грузинской ЧК занимался мародёрством, а также неким образом «разлагал аппарат» в период работы секретарём и одновременно партторгом в торгпредстве СССР в Турции в 1929–1931 гг. По этим обвинениям Военная коллегия на третий день войны, 24 июня 1941 г., осудила Борового на 15 лет лагерей. Срок он отбыл полностью и с августа 1953 г. был переведен на поселение в Красноярский край.

В октябре 1953-го Боровой писал в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Прокуратуру, что враги народа Берия, Меркулов и Деканозов на допросе «лично избивали его резиновой дубинкой». На суде бериевский сподвижник и бывший советский полпред в гитлеровской Германии Деканозов заявил, что вместе с Берией избивал Борового резиновой палкой и в результате добился от него признания в шпионаже. В последнем слове Деканозов даже сказал: «Я виновен в избиении Борового и сейчас очень рад, что он жив» [403]. В декабре 1953 г. Главная Военная прокуратура внесла предложение о прекращении дела Борового за отсутствием состава преступления. Всё шло к тому, что свидетель на таком важном процессе будет очень скоро признан невинной жертвой бериевской шайки и попадет в волну первых реабилитаций. Но надеждам разведчика удалось сбыться не сразу.

Оказывается, в те же недели на имя Генпрокурора СССР поступило заявление от экс-чекиста З. А. Дымова (почему-то упорно преследовавшего Борового ещё с двадцатых годов) с обвинениями бывшего разведчика в шпионаже, диверсиях, близких отношениях с Ягодой и Берией, а также в том, что в период их совместной службы в Витебской ЧК Боровой был разоблачён как мародёр и взяточник... В связи с доносом не смягчившего своей многолетней ненависти Дымова дело Борового 26 февраля 1954 г. испуганные военные прокуроры направили обратно в МВД — для проверки.

Там разобрались — отдадим должное — без проволочек. Чекистами было установлено, что «Боровой в период его работы в Витебской ЧК действительно по распоряжению бывшего председателя губЧК Кадушина получил пару сапог, снятых с одного из расстрелянных ими работников. Об этом факте в 1927 г., в связи с заявлением Дымова, Боровой давал объяснения в ЦКК ВКП (б) и сообщал о нём в период следствия по его делу. Других же компрометирующих материалов... на Борового не имеется». 28 апреля 1954 г. Боровой был реабилитирован и освобожден из ссылки, а три месяца спустя восстановлен в членах КПСС [404].

Он вернулся в Москву, но, как сообщал В. Додин, прожил в столице недолго: его настиг инфаркт и Исаак Исаакович Боровой умер прямо на улице. Возможно, так оно и было...

